

За перевалом Сайлюгем...

В. И. МОЛОДИН

Этот выпуск журнала посвящен замечательному Человеку, выдающемуся ученому и организатору науки Валентину Афанасьевичу Коптюгу. Для меня как автора поучаствовать в нем великая честь, поскольку с именем академика Коптюга связано для России очень многое, прежде всего сохранение Российской академии наук и ее Сибирского отделения в труднейшие для страны девяностые. Именно В. А. Коптюг, будучи председателем Сибирского отделения, оказал огромную помощь в организации и проведении наших первых экспедиций на плато Укок. Директор нашего института и соруководитель международной программы «Пазырык» академик А. П. Деревянко не раз обращался к Валентину Афанасьевичу за поддержкой и всегда был услышан.

Никогда не забуду, как я принес Валентину Афанасьевичу две наши с Натальей Полосьмак первые монографии по Укоку. Конечно, он поздравил и похвалил, но тут же сделал совершенно справедливое замечание, что такие книги следует обязательно сопровождать цветными иллюстрациями. Обозначил он и проблему глобального потепления климата, и негативное влияние этого фактора на сохранение замерзших курганов...

Думаю, что и итоги нашей программы «Пазырык-2» порадовали бы Валентина Афанасьевича...

В этой статье публикуются отрывки из книги, в которой рассказывается о наших работах в Монголии.

Этот международный проект осуществлялся в течение трех полевых сезонов в 2004, 2005, 2006 г.

Несколько дней назад в Улан-Батор были отправлены из Новосибирска после реставрации все археологические находки, обнаруженные нашей экспедицией в 2006 г., близка к завершению монография, над которой все эти годы я работал со своими коллегами. Так что сама логика событий позволяла мне взяться за перо.

Из новой научно-популярной книги В. И. Молодина
«За перевалом Сайлюгем»

Итак, я приглашаю тебя, дорогой читатель, в путешествие за перевал Сайлюгем, в Северо-Западную Монголию. Здесь, за высоким горным хребтом, раскинулись просторы Центральной Азии с ее бескрайними степями, горными хребтами, быстрыми горными реками с кристально прозрачной ледяной водой и блюдцами озер. Здесь еще сохранилась сказочно первозданная и почти нетронутая человеком природа – прекрасная и суровая. Здесь, на северо-западе Монголии, на высоте более двух тысяч метров простираются высокогорные плато с суровым

климатом, где в разгар жаркого лета может неожиданно повалить снег, а внезапно налетевший шквал в клочья порвать палатки. Здесь в горах и на перевалах даже летом местами лежит снег.

И в то же время в этих суровых краях живут замечательные, удивительно добрые и отзывчивые люди – пастухи, кочующие с семьями казахи и монголы, а также отважные пограничники.

Но, конечно, самым главным, что привлекало нас в этих суровых местах, были археологические древности – курганы, которые мы должны были отыскать и в кото-

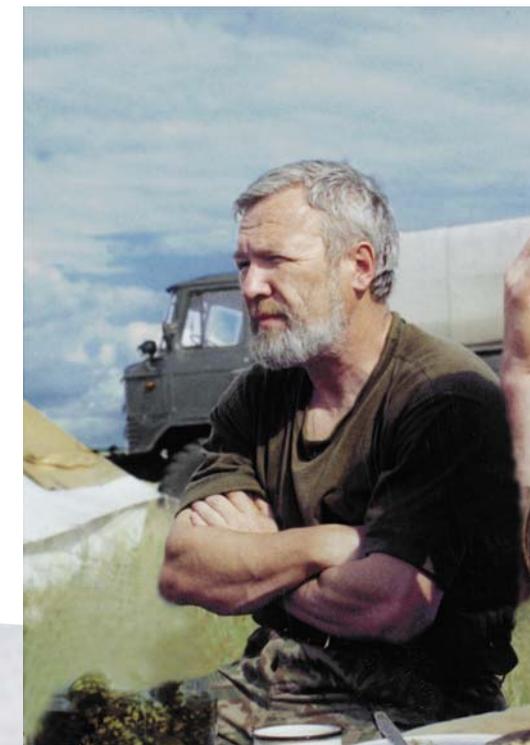

рых, по нашему мнению, должно было присутствовать то, что сохраняется в погребальных комплексах далеко не всегда и не везде – замерзшие могилы. Именно в них археолог, если ему, конечно, очень повезет, может найти то, что не доходит до нашего времени почти никогда: одежду и обувь, головные уборы и деревянные предметы, изделия из ткани, кожи, меха и войлока. Все это ценится учеными дороже любых драгоценностей! Такие предметы, попадая в руки исследователей, дают совершенно уникальную информацию, позволяющую на новом уровне реконструировать далекое прошлое, от которого нас отделяют даже не века, а тысячелетия. Находки же замерзших мумий людей и животных дают уникальнейшую информацию биологам.

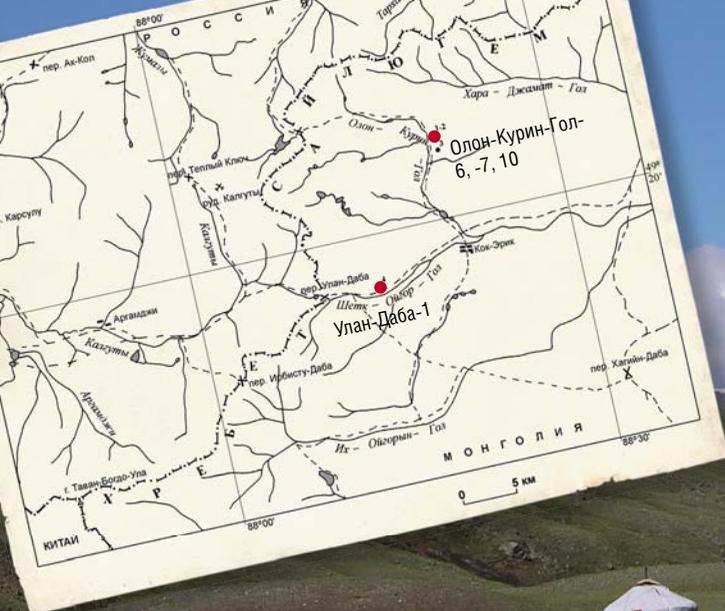
В моей практике уже были раскопки таких памятников. С 1991 по 1996 г. мне посчастливилось принять участие (и даже быть соруководителем) в Международной научной программе по изучению археологических памятников, в том числе и пазырыкской культуры, на высокогорном плато Укок, что на самом юге российского Горного Алтая, на границе с Монголией, Казахстаном

Схема расположения могильников пазырыкской культуры на территории Российского Алтая, Северо-Западной Монголии и Восточного Казахстана (вверху слева)

Ключевые слова: Северо-Западная Монголия, пазырыкская культура, замерзшие погребения, геофизические методы мониторинга мерзлоты, археологические находки
Key words: North-West Mongolia, Pazyryk culture, frozen burials, geophysical methods of the frost monitoring, archaeological finds

МОЛОДИН Вячеслав Иванович – действительный член РАН, доктор исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, профессор НГУ, член-корреспондент Германского археологического института, лауреат международной премии А. П. Карпинского, Государственной премии РФ (2005 г.) Автор и соавтор более 1100 научных работ, в том числе 50 монографий

Типичный пейзаж и схема расположения могильников в Северо-Западной Монголии

Население очень живо откликнулось на наши работы. Везде нас встречали предельно доброжелательно. И, что характерно, очень приветливы все, от самых маленьких ребятшек до пожилых аксакалов. Везде приглашают в гости. В одну из юрт – просто затащили. Пришлось зайти, несмотря на то, что дел было очень много. Сразу же провели и усадили на самое почетное место в юрте. Хозяйка и младшие по возрасту женщины, очевидно дочери или снохи, стали накрывать на стол. Не прошло и пяти минут, как на низком столике перед нами появился чай, национальные лепешки, сыр, молоко... Все было вкусно. С нами за столом сидел хозяин и глава семейства. Я рассказал ему о наших задачах и планах. Он внимательно все выслушал, думаю, едва ли мне до конца поверил, но миссию нашу, безусловно, одобрил. Кстати, русский язык знают многие. Оказывается, немало молодежи из этих мест проходили обучение в Республике Казахстан, а там русский язык – один из двух государственных. Так что с общением проблем не возникало. И вообще, было очень приятно иметь дело с такими людьми – доброжелательными, гостеприимными и непосредственным. Единственной слабостью (если это можно назвать слабостью) наших любезных хозяев была страсть фотографироваться

и Китаем. На Укоке была открыта и исследована целая серия погребальных комплексов, в том числе и с мерзлотой, подаривших науке неграбленные захоронения среднего слоя пазырыкского общества. В 1993 г. Наталья Полосьмак исследовала курган Ак-Алаха-3, где было найдено погребение знатной женщины. Сохранился не только удивительный по полноте комплекс предметов, но и мумия, кожу которой украшала великолепная татуировка. Позднее журналисты окрестили ее «алтайской принцессой». А в 1995 г. поспрашивались и мне. Исследуя пазырыкский могильник Верх-Кальджин-II, наш отряд обнаружил непотребоженное захоронение молодого воина, мумия которого также прекрасно сохранилась. В этом кургане были найдены и уникальные предметы, прежде всего роскошная шуба-дубленка.

Естественное желание вновь поработать на Укоке не пропадало, конечно, ни у меня, ни у Натальи. К сожалению, ситуация вокруг Укока складывалась напряженная, а порой и попросту скандальная. Современное мифотворчество, сделавшее из женщины среднего слоя пазырыкского сообщества «принцессу Кадын, прародительницу алтайского народа», привело к тому, что все трудности и проблемы региона списывались на археологов. Самое скверное, что таким образом настраивалось местное население. Археологические исследования на плоскогорье были запрещены, при этом для «дикого» туризма путь был открыт.

Вновь побывать на Укоке мне удалось только в 2003 г. Мы приехали туда с моим коллегой археологом из Германии Германом Парцингером и геофизиком Михаилом Эповым. Укок сильно изменился. Помимо пограничников, нередко встречались и туристы.

Исколесив значительную часть Горного Алтая, я показал коллегам грандиозные могильники пазырык-

ской культуры в центральной части этой территории: и те, на которых уже проводили раскопки выдающиеся отечественные археологи профессора М. П. Грязнов и С. И. Руденко (Пазырыкский и Башадарский могильники), и те, которые еще предстоит исследовать новым поколениям ученых.

Академика Эпова привлекала идея обнаружения мерзлоты при помощи геофизических методов. Для этого ему необходимо было поработать на объектах с мерзлотой и без нее.

За несколько дней геофизикам удалось отработать несколько комплексов и в результате получить две модели: курган с мерзлотой и курган без мерзлоты. К великому нашему сожалению (и, наверное, прежде всего М. И. Эпова), проверить полученные результаты мы не имели возможности. Именно тогда я впервые услышал от Михаила Ивановича, что археология – лучший полигон для отработки методических приемов в геофизике. «Судите сами, – как всегда спокойно и неторопливо рассуждал ученый, – дали вы, к примеру, прогноз, что нефтяной пласт такого-то месторождения залегает на глубине столько-то километров. Чтобы проверить правильность прогноза, нужно пробурить скважину, однако когда это случится? Через год, пять, десять лет? Могут же быть такие условия, что проверить прогноз возможно только через десятилетия. Но прогноз-то существует! Другое дело археология. Мы реально можем проверить и перепроверить любой прогноз практически в течение одного полевого сезона! Если наши предположения не подтверждаются, значит, мы ошиблись, значит, следует думать и искать что-то другое».

С этим утверждением М. И. Эпова было трудно не согласиться. В его правоте я убеждался не раз – практически каждый сезон, работая с геофизиками.

Именно эта первая поездка на Укок с геофизиками явилась отправной точкой нашего сотрудничества, направленного на поиски мерзлоты.

Меня же, по прошествии почти десяти лет после укокских раскопок, привлекала идея осуществления того, что можно было сделать теперь с участием высококлассных специалистов самого различного научного профиля, которых в Сибирском отделении предостаточно.

Конечно, для реализации этой идеи еще более привлекательными, чем укокские курганы пазырыкской культуры, выглядели могильники центральной части Горного Алтая. Несомненно, что в долине р. Каракол (Онгудайский район) сосредоточены погребальные комплексы самого высокого слоя пазырыкского общества, может быть, даже близкие по статусу и особам царским. Здесь же, в этой долине, расположен и знаменитый Башадарский могильник, на котором два кургана были исследованы профессором Сергеем Ивановичем Руденко. Раскопать такой пазырыкский курган в каракольской долине, думаю, было бы важно и для Республики, поскольку можно было бы продумать музеефикацию полученных материалов в стенах Горно-Алтайского музея.

Вместе с тем было очевидно и другое – реализовать пазырыкскую программу под девизом «Пазырык-2» было попросту невозможно.

Помог случай. В Улан-Баторе проводилось заседание недавно созданной Ассоциации Академий наук стран Азии, куда входила и Россия. Президентом (и одним из основателей) этой Ассоциации был председатель Сибирского отделения РАН, академик Николай Леонтьевич Добрецов. Я в этой Ассоциации отвечал за одну из международных научных программ, посвященных

археологическим исследованиям в Азии. И вот в своем докладе, в котором был представлен довольно широкий обзор наших исследований, я рассказал о наших укокских успехах, в том числе и о находках пазырыкских мумий. После заседания, уже на торжественном ужине, ко мне подошел Президент Академии наук Монголии академик Б. Чаадра. Он высоко отозвался о докладе, а потом неожиданно предложил: «Может быть, и в Монголии ты раскопаешь нам такие же замечательные захоронения?».

Конечно, реализовать эту идею было не так просто, как кажется. Район Северо-Западной Монголии как будто идеально подходил для реализации проекта. Он обладал развитой речной системой и выраженными пастбищными долинами, что не могло не притягивать кочевника-скотовода. Кроме того, речные долины в верховьях рек были расположены даже выше, чем плато Укок, – на высоте 2500–2600 м над уровнем моря, а это открывало перспективы обнаружения мерзлоты в курганах, разумеется, при условии достаточно низкого температурного режима в этом микрорайоне. К тому же этот район Монголии был связан с Укоком горным перевалом Улан-Даба, открытым для перехода круглый год.

Дело оставалось, казалось бы, за малым: найти здесь курганы пазырыкской культуры.

В начале 2004 г. был заключен трехсторонний договор о научных исследованиях в Северо-Западной Монголии между Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск), Германским Археологическим институтом (Берлин) и Институтом археологии Академии наук Монголии (Улан-Батор).

Планируя полевой сезон 2004 г., я отводил месяц на разведку в Баян-Ульгинском аймаке Монголии, наметив участок на южных склонах Сайлюгемского хребта, по соседству с Укоком. Я должен был найти курганные могильники пазырыкской культуры и определить среди них наиболее перспективные для проведения раскопок. И я начал готовиться...

Лето 2004 г. прошло в поисках «замерзших» курганов в Монголии.

Разведка геофизикой

К 2005 г. главное дело было сделано. Памятников в Монголии за сезон 2004 г. мы нашли достаточно много, среди них, несомненно, были и интересующие нас могильники пазырыкской культуры. Условия, в которых находились почти все эти объекты, вполне могли способствовать тому, что в них образовался слой мерзлоты, ибо высоты, на которых они располагались, значительно превышали те, на которых расположены замёрзшие пазырыкские памятники Укока.

Конечно, предприятие планировалось очень ответственное – серьезная международная экспедиция со всеми вытекающими последствиями. И хотя я твердо верил в успех, необходимо было подстраховаться. Помочь могла только геофизика.

Мой отряд имел уже неплохой опыт работы с геофизиками. Начинали вместе с немецкими специалистами из мюнхенской геофизической лаборатории, специализирующейся на работе с археологами. По су-

ществу, именно Й. Фассбиндер и Г. Беккер, со своей аппаратурой совершили второе открытие городища Чича, представив подробную карту памятника.

Помня успешно проведенные геофизиками работы на Укоке, я обратился к академику М. И. Эпову. Михаил Иванович с огромным энтузиазмом взялся за дело. Прежде всего, он сказал, что сам хочет принять участие в этой экспедиции, чтобы проверить появившиеся на сей счет идеи. Сказано – сделано. Я показал коллегам-геофизикам результаты нашей разведки, акцентировав внимание на тех памятниках, которые, по моему мнению, во-первых, были пазырыкскими, а во-вторых, как мне казалось, могли содержать мерзлоту. Оставалось дело за малым – поехать в Монголию и проверить.

Быстро нашлись и энтузиасты этого дела. Геофизикой «заболела» моя ученица Марина Чемякина, которая нашла поддержку в Институте геологии и геофизики нефти и газа СО РАН в лице, прежде всего, Александра Манштейна.

Мы начали готовиться. Помимо археологов из нашего института в отряд вошла группа новосибирских геофизиков, возглавляемая М. И. Эповым. Мы планировали выехать в конце мая и проработать в Монголии примерно месяц. За это время Михаил Иванович собирался проверить свою новую методику на нескольких объектах и дать нам рекомендации.

И тут неожиданно произошло чрезвычайно важное событие, которое ставило крест на моей поездке в Монголию.

В мае 2005 г. нам сообщили, что мы с Наташей удостоены Государственной премии Российской Федерации в области науки и технологий за наши работы на плато Укок. Вручение премий планировалось в Кремле 12 июня. Отменить или перенести наши работы в Монголии было невозможно.

К счастью, сомнения и тревоги мои быстро развеялись, поскольку и Михаил Иванович и Марина Че-

мякина заверили меня, что все будет прекрасно, и они вполне без меня справятся, а я спокойно могу ехать в Москву.

И вот, 12 июня, рано утром, когда в очередной раз зазвонил мобильник, я услышал знакомый голос М. И. Эпова. После слов поздравлений Михаил Иванович перешел к делу. Оказывается, в кургане на перевале Улан-Даба обнаружена очень мощная мерзлотная аномалия.

– Стопроцентная мерзлота! – радостно говорит он. Улан-Даба! Этот курган мы нашли в 2004 г. перед самым нашим отъездом из Монголии. Во-первых, курган располагался на перевале, соединяющем Монголию с плато Укок, где в девяностые годы мы раскопали несколько курганов с мерзлотой. Этот перевал оставался проходимым круглый год. А это значит, что в любое время человек со своими стадами мог совершенно спокойно мигрировать из Сибири в Центральную Азию или наоборот. И сегодня этот перевал активно востребован. От кургана до Укока всего 4–5 км! Можно сказать, это почти Укок.

Во-вторых, курган находился на весьма приличной высоте над уровнем моря – выше, чем все наши объекты со льдом, исследованные на Укоке. Значит, шансов найти мерзлоту еще больше.

И тут такое обнадеживающее сообщение от М. И. Эпова! Конечно, этот объект представлялся наиболее перспективным для планируемых раскопок.

Однако геофизические исследования 2005 г. в Северо-Западной Монголии не ограничились только Улан-Дабой. Несмотря на крайне неблагоприятные погодные условия, которые сложились весной и ранним летом этого года – низкие температуры, снег – удалось сделать очень многое.

Северо-Западная Монголия. Июнь 2005 г.
В центре – академик М. И. Эпов, справа – Х. Пиецонка (Германия) и М. Чемякина

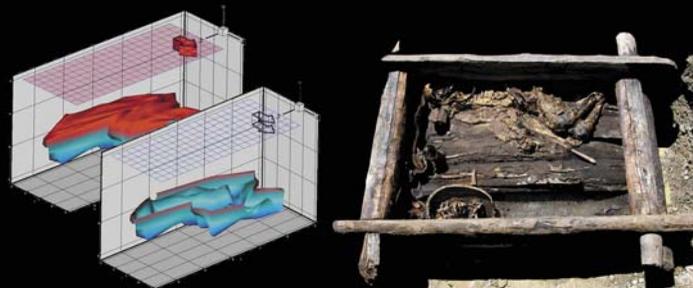
Работа геофизиков в поле – труд нелегкий. Нужно забивать десятки датчиков, монтировать тяжелую аппаратуру, сканировать информацию, затем расшифровывать ее в полевой лаборатории, анализировать результаты... Отпущенное время геофизики использовали по максимуму, стараясь не потерять ни минуты.

Для обнаружения мерзлоты использовались метод сопротивлений и частотные электромагнитные зондирования с бесконтактным индукционным возбуждением. Оказалось, что искать ледяное тело (изолятор) с помощью обычного метода постоянного тока с электродной установкой над объектом невозможно из-за того, что могильную камеру перекрывает каменная насыпь.

Михаил Иванович предложил расположить электроды по периметру кургана. При этом мы получали как бы вид сбоку на аномалии под курганом. Для того, чтобы обосновать и получить достоверные результаты при такой конфигурации электродов, полевые исследования предусматривало трехмерное математическое моделирование.

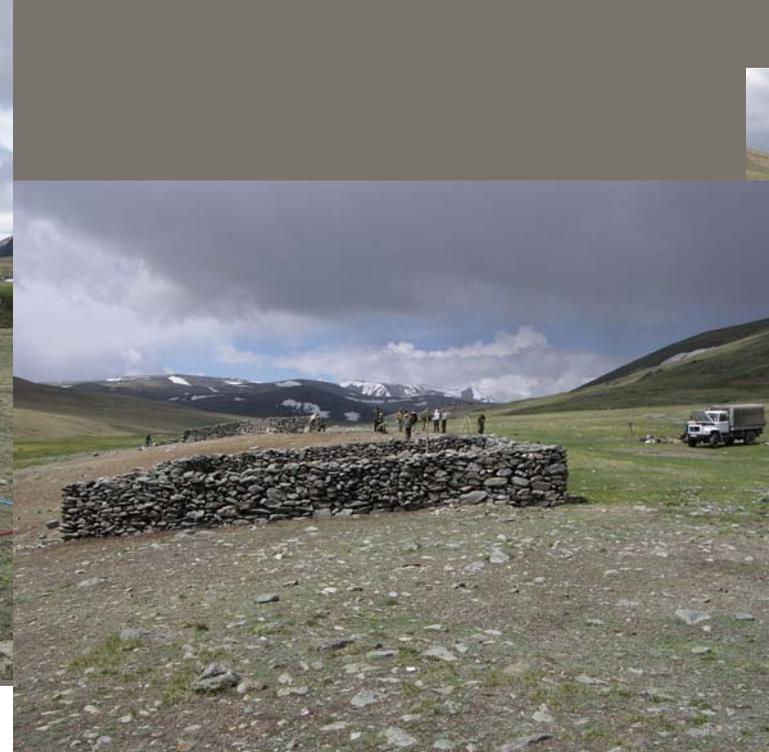
Результаты, позволяющие предположить наличие изолирующих ледовых линз, были получены при исследовании объектов в урочищах Улан-Даба и Олон-Курин-Гол. Наиболее достоверной с модельной точки зрения была абсолютная аномалия под курганом в долине Улан-Даба, где изолирующий объект (линза мерзлоты) располагался в центре кургана.

Был произведен мониторинг практически всех пазырыкских могильников, открытых в 2004 г. Михаил Иванович полагал, что кроме кургана Улан-Даба как минимум еще в двух курганах мерзлота присутствует обязательно.

Трехмерное изображение линзы льда в теле кургана по результатам электротомографии

Северо-запад Монгольского Алтая. Долина р. Цаган-Салаа, курганный могильник Цаган-Салаа-1 (курган № 1). Установка электротомографии, с системой наблюдения, расположенной по периметру кургана

Итак, благодаря геофизикам мы оказались вполне вооруженными перед решающим полевым сезоном 2006 г. По крайней мере, три объекта могли содержать мерзлоту, а это значит, что у нас был даже некоторый выбор, поскольку осилить за короткие два месяца три объекта с мерзлотой казалось делом совершенно нереальным. Оказалось, впрочем, что я ошибался, но об этом ниже.

В поисках утраченного времени

15 июня 2006 г. Выехали в поле. Смог вырваться сам, что называется, уже вторым эшелоном, отправив основную часть отряда на грузовике, вместе с Олегом Сентябовым для устройства международного лагеря экспедиции. В Монголии к ним присоединятся наши коллеги из Института археологии АН Монголии. Должен подъехать и профессор Д. Цэвээндорж, профессор же Герман Парцингер с германскими коллегами прибудет несколько позже.

Перед отъездом мы договорились с Германом Парцингером, что раскопки начнем с Улан-Дабы.

Поскольку народу в отряде довольно много, решаю начать работы сразу на двух объектах, на тот случай, если Улан-Даба не оправдает наши ожидания.

20 июня 2006 г. Утром выехали всем отрядом на Улан-Дабу. Нам предстояла работа по расчистке насыпи кургана. Погода скверная. Ветрено. Нудный дождик периодически сменялся снежными зарядами, от которых мы прятались в кузове у Олега. Но несмотря на это, работа двигалась быстро. Уже к обеду налицо ощутимый результат!

21 июня 2006 г. Сегодня начали работу и на втором объекте – стопроцентный пазырык – могильнике Олон-Курин-Голе-6. Руководство поручил Игорю Слюсаренко. Он имеет очень большой опыт раскопок на Алтае. К вечеру ребята закончили там разметку.

Сам я с утра и весь день был на Улан-Дабе. Пока курган ведет себя весьма странно: чем более мы его расчищаем, тем он все менее похож на пазырык. Ну да посмотрим.

26 июня 2006 г. Сегодня удалось сделать на Улан-Дабе очень много, и это несмотря на отвратительную погоду. Дождевые заряды с ветром раз за разом сменяли друг друга. Вышли на нижний накат крупных валунов. Это позволяет надеяться, что еще немного и мы достигнем определенной ясности.

Вечером приехали наши новосибирские геофизики, во главе с Михаилом Ивановичем Эповым. С ними неизменный друг Костя Каюров, Александр Манштейн и молодые ребята-аспиранты. Привезли с собой итальянского профессора, так что у нас теперь полнейший интернационал.

27 июня 2006 г. Закончили на кургане Улан-Даба два сектора, но ясности по-прежнему нет. Меня очень беспокоит то, что стратиграфия не отмечает хотя бы какого-то просада. Вариантов может быть два: или такая плотная забутовка могилы, а на дне действительно мощная линза льда, или могилы нет и тогда, как говорится, «пустышку тянем». Трудно, конечно, поверить, что такую конструкцию сооружали просто так или только ради этого невзрачного каменного ящика, который торчит в центре насыпи. Но... но все в жизни бывает!

Хочется как можно скорее получить ясность на Улан-Дабе. М. И. Эпов явно беспокоится за результат, ведь

прогноз его очень обнадеживающий. Мы с Германом, естественно, тоже волнуемся. Улан-Даба по-прежнему остается нашей главной надеждой.

28 июня 2006 г. Рабочий день прошел очень быстро, буквально пролетел. Наверное, это связано с тем, что я все время был занят поиском могильного пятна. В одном из секторов я как будто его обнаружил. Забрехала какая-то надежда, хотя ситуация остается крайне сложной. И если положить руку на сердце, то ясности пока никакой нет.

Геофизики под руководством Михаила Ивановича Эпова продолжили зондаж пазырыкских курганов. Отрядил вместе с ними Игоря Слюсаренко. Они сегодня отработали на двух объектах, на одном, по мнению М. И. Эпова фиксируется явная мерзлотная аномалия.

30 июня 2006 г. Сегодня провели ударную работу на Улан-Дабе. Всю площадку внутри оградки расчистили и разобрали. Проблема с пятном очевидна. Явственно ничего не читалось, в лучшем случае как-то угадывалось или, что правильнее, прогнозировалось. Принялись за разборку его верхней части в надежде, что через штык ситуация прояснится. Однако контур по-прежнему не ловился. Это просто-напросто головная боль. Работать было очень сложно. На кургане собрался весь отряд, а также геофизики и германские кинематографисты. Уезжали с раскопа в полном неведении. Завтра продолжим.

1 июля 2006 г. Первый день июля, кажется, принес неудачу. Улан-Даба оказался «пустышкой». Трудно поверить, что все это грандиозное сооружение выполнено ради этой несчастной могилы из плит, возведенной в его центре почти на поверхности. Сказать, что я впал

в состояние прострации (по крайней мере, внутренне), значит, ничего не сказать! В некотором унынии от моего состояния находятся и геофизики, хотя оптимизма они не теряют, свято веря в свои исчисления. Конечно, будем биться до конца, однако ситуация складывается очень непростая.

5 июля 2006 г. Сегодня весь отряд работал на Олон-Курин-Голе-6. К вечеру закончили снятие всей насыпи, подчистили всю площадь внутри оградки до материка и вышли на прекрасно читаемое пятно в центре – погребальную камеру. Начнем работу на ней уже завтра. Если, конечно, позволит погода.

Грabitельский лаз в могиле на Олон-Курин-Голе – очевиден. Маловероятно (теперь это ясно), что перед нами следы впускного захоронения в основную камеру. Насколько окажется захоронение потревоженным – вот главный вопрос, который меня сейчас беспокоит.

Памятник Улан-Даба (слева). Каменная ограда, в центре пятно заполнения могильной ямы. Сосуд из рога. Памятник Олон-Курин-Гол-10. Курган № 1

Поскольку неизвестно, насколько камера может быть ограблена, а также, учитывая высокие темпы наших работ, предлагаю Герману взять еще один маленький курган. Г. Парцингер предложение принял. Завтра будет выбирать объект.

(Вечер). Сегодня, как оказалось, был день контрастов. С одной стороны, на Олон-Курин-Голе в заполнении могильной ямы наткнулись на кости человека. Пока неясно, что это – то ли выброс грабителей из погребальной камеры, то ли впускное захоронение. Конечно, очень бы хотелось, чтобы было второе! На Улан-Дабе, на одном из участков ямы, наконец-то уперлись в мерзлоту. Следовательно, геофизики правы! Однако, что же мы копаем – могилу или просто яму – пока по-прежнему неясно. Так что нужно продолжать и пробивать теперь уже мерзлоту, что, конечно же, добавит проблем...

9 июля 2006 г. Живу как на качелях. Настроение меняется от полного оптимизма до полного пессимизма.

Всю первую половину дня провел на Олон-Курин-Голе. В могилу углубились уже по всей площади на полтора метра. Налицо определенный грабительский лаз, так что моя оптимистическая версия с возможным впускным захоронением полностью отпала. К тому же мерзлотой здесь пока, к сожалению, и не пахнет. Увы! Увы! Возникает опасение, что и на этом могильнике может быть если не пустышка, то полупустышка.

На Улан-Дабе ребята расширили раскоп в яме, или могиле, и стоят на льду. В северном углу ямы камни заполнения как будто расположены в каком-то порядке, и это как-то напоминает искусственную выкладку или, если угодно, конструкцию, хотя, если положить руку на сердце, то напоминает слабо. Чем больше я на это смотрел, тем более утверждался в выводе, что все, что мы наблюдаем в яме, – не дело рук человека. Вместе с тем, геофизики с мерзлотной аномалией не ошиблись. Она существует, и мы вышли на ее верхнюю кромку. Другое дело, какова ее природа. Почему образовалась эта линза?! Вот вопросы, на которые просто необходимо дать ответ. Ведь перед нами не деревянный склеп, в котором вода могла аккумулироваться. Но она в чем-то же накапливалась, иначе, откуда лед? Просто какая-то фантазмагория! Одним словом, чтобы понять – необходимо копать!

Тем временем дела на раскопе идут своим чередом, и сегодняшний день вселил в меня некоторый оптимизм. На Олон-Курин-Голе, несмотря на сильнейший грабеж, пошел неплохой сруб, а на дне могилы даже мерзлота. Так что и здесь геофизики не ошиблись. Вне сомнения, это пазырык. Да и на Улан Дабе еще, в общем-то, не вечер. Так что качели не останавливаются. Однако сегодня стало как-то полегче. Очевидно, что на Олон-Курин-Голе-6 мы получили достаточно интересную и важную научную информацию.

На Олон-Курин-Голе-6 пошел уже третий венец сруба. Сохранность бревен по мере углубления становится все лучше и лучше, а ниже вообще мерзлый грунт! Надежда на органику есть, если только ограбление случилось не сразу после захоронения.

Маленький курган уже расчистили полностью. Завтра делаем фото, рисунок и приступаем к разборке насыпи.

Начали разборку насыпи маленького курганчика. Результат не заставил нас долго ждать. На уровне погребальной почвы обнаружен развал сосуда гуннского времени и косточки животных. Кроме этой аномалии никаких пятен нет. Итак, снова полупрокол! Перед нами поминальник эпохи хунну. Такие мы уже неоднократно встречали на Укоке. Известны подобные и в Туве. На Укоке аналогичные конструкции с сосудами и мясной пищей пристраивали к некрополям пазырыкской культуры. Так что перед нами, несомненно, поминальник.

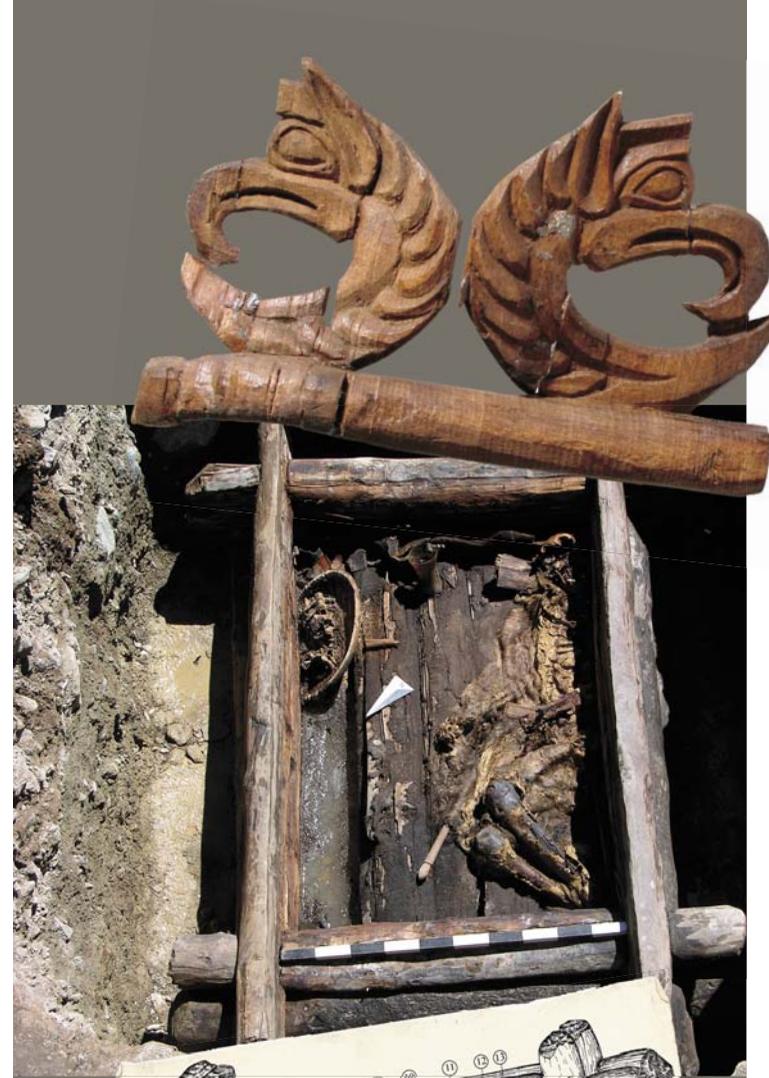
На кургане Олон-Курин-Гол-6 пошли первые находки. Рядом со срубом лежал неповрежденный скелет лошади. С ней – железные удила и костяной *кочедык*. На лошади сохранилось довольно много органики, однако ни деревянные предметы, ни ткани не сохранились. Может, будет что-то на дне камеры? Посмотрим!

13 июля 2006 г. На Улан-Дабе ребята пробрили линзу мерзлоты и уперлись в каменный цоколь. Стало ясно, все это сооружение городили ради плиточной могилы на поверхности кургана, а мерзлота оказалась естественной, образовавшейся в своеобразном каменном «кармане», существовавшем почти точно под центром насыпи кургана. Бывают же такие совпадения!

Геофизики блестяще проверили свою методику. Так что все не зря. И к тому же Улан-Дабу можно рекультивировать.

Не откладывая на завтра, решили ехать на Олон-Курин-Гол выбирать новый курган. Теперь уже ясно, что последний. Долго советовались с ребятами. Мнения у всех разные. Все понимают, что шанс у нас последний. На Олон-Курин-Голе-6 с его мощнейшей «грабилкой» надежд почти никаких. Наконец, после долгих дебатов решаем брать курган в могильнике Олон-Курин-Гол-10. За него – несколько обстоятельств. Во-первых, он небольшой, к тому же верх насыпи сильно разобран казаками на хозяйственные нужды. Во-вторых, он недалеко от места наших последних работ – следовательно, при необходимости можно мобильно перебрасывать людей с места на место. Наконец, в-третьих (и это самое главное!), это третий курган (и последний!), где геофизики фиксировали лед.

17 июля 2006 г. Как оказалось, день этот стал, по сути, самым главным для нашей экспедиции.

Деревянное украшение упряжи.
Общий вид погребения в срубе и его прорисовка.
Памятник Олон-Курин-Гол-10 (Курган № 1)

Утро выдалось пасмурным, но, несмотря на погоду, встал я с каким-то особым энтузиазмом и можно даже сказать – полный азарта. После завтрака сразу поехал на «десятку», как мы уже успели окрестить Олон-Курин-Гол-10. Камни насыпи с одной половины кургана были уже сняты, и мы сразу начали подчистку рыхлого слоя, чтобы выявить пятно захоронения. Справились мы с этим делом достаточно быстро и – о ужас! Вся зачищенная площадка внутри ограды была покрыта слоем материкового гравия. Пятно не читалось!

С Олон-Курин-Гола-6 пришли Герман с Анатолием. Угрюмо посмотрели на все это безобразие, поговорив при этом по-немецки. Потом Герман молча побрел назад. Именно побрел... Так он был расстроен!

Все это время я сидел на ограде кургана и не принимал участие в обсуждениях. Во мне пронеслась буря эмоций. Неужели снова провал! Неужели повторение Улан-Дабы?! Но ведь все против этого! Все! Нет, не может быть, нужно искать пятно – твердо решил я.

Подшел Анатолий. Начал говорить, что, по-видимому, объект аналогичен Улан-Дабе, стал меня утешать – на Олон-Курин-Голе-6 взяли пробы и на палеогенетику и даже на микробиологию, да и с мерзлотой, похоже, многое прояснилось...

Я молчал... В голове лишь стучали молоточки: не может быть, нужно искать пятно...

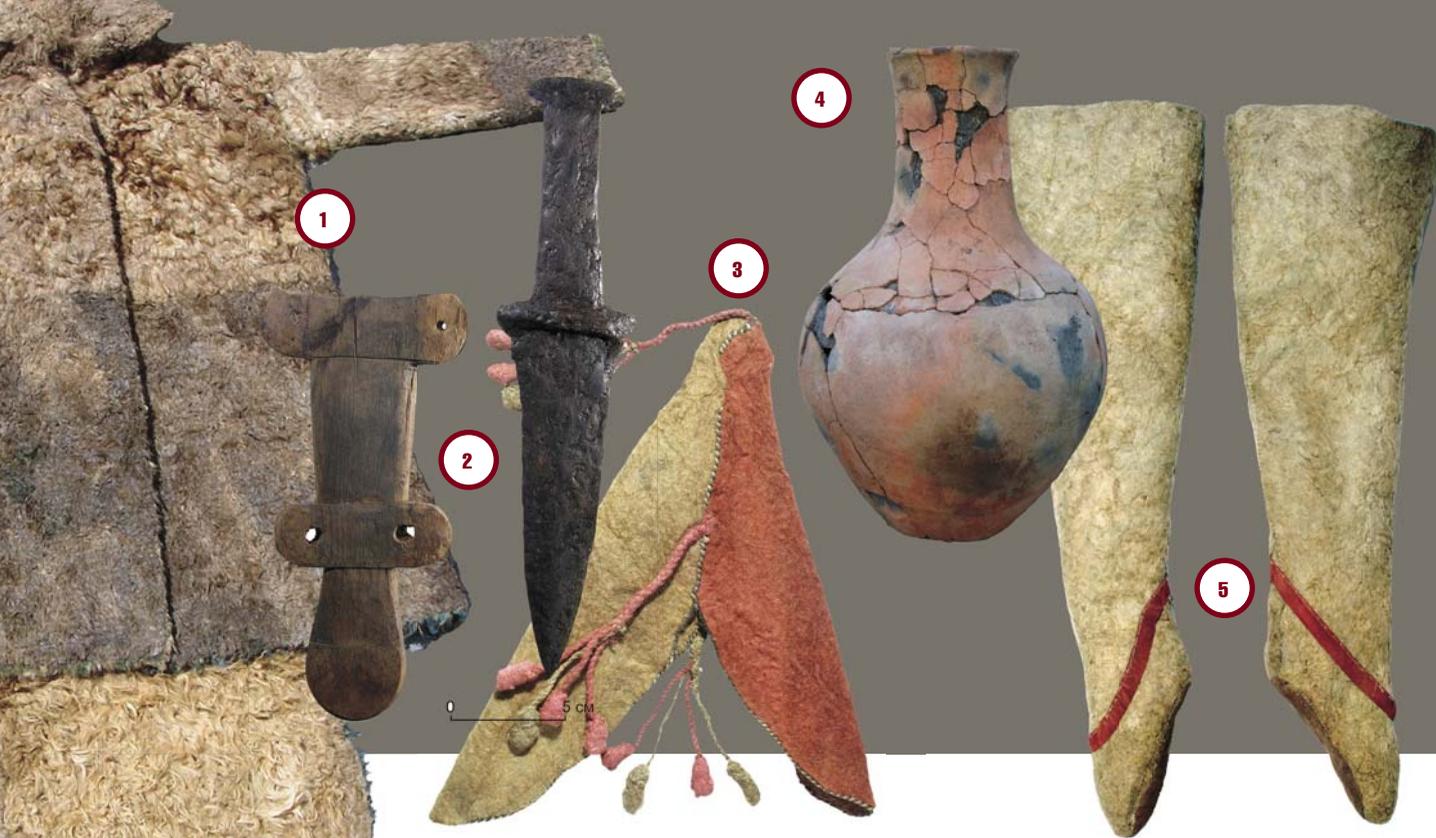
Толя, видимо, поняв мое состояние, сказал, что пошел на Олон-Курин-Гол-6 – там еще предостаточно работы.

Я взял лопату и молча, ни на кого не глядя, стал на полштыка углубляться в этот материковый слой, делая это скорее автоматически. Я продолжал траншею от центра к периферии, то есть к каменной ограде кургана. Слой был плотен и по цвету абсолютно однороден, и я очень скоро почти разуверился в успехе. В голове лишь мелькало: что делать дальше?! брать следующий объект? Но чтобы это делать, нужно все-таки понять, что мы копаем, в конце концов!

В это время оставшаяся у меня часть народа продолжала дочистить каменную ограду кургана. На глаза попался А. Овчаренко.

– Саня! – сказал я как-то даже грубо. – А ну-ка кончай ерундой заниматься. Иди, помоги дочистить площадку!

Овчаренко взял лопату и от ограды к центру кургана стал подчищать площадку. Саша «чистанул» буквально пару раз и – о чудо! Материковый слой как бы отслоился от лежащего под ним красноватого слоя щебенки. Овчаренко быстро стал двигаться ко мне навстречу, к центру кургана. Верхний слой по-прежнему легко отслаивался, хотя и становился все толще. И вдруг, когда Овчаренко не дошел до меня полметра, под его лопатой четко и контрастно проступила ровная граница пятна. Ближе к центру кургана оно было светлое, такое же, как

вся зачищенная выше поверхность, однако оно уже резко контрастировало со слоем, который лежал ниже.

– Ну-ка, теперь иди только по границе, кажется, поймали! – почти шепотом почему-то сказал я Александру.

А через пять минут все было кончено! Пятно отчетливо локализовалось в правильный прямоугольник, ярко читающийся на фоне красноватого слоя. Я боялся поверить в удачу и попросил оставшихся на кургане ребят взять лопаты и дочистить до этого красноватого уровня оставшуюся площадь внутри ограды.

Время летело. Все забыли об отдыхе. Картина становилась все более понятной даже неспециалисту.

В это время краем глаза я увидел приближающихся к нам ребят с соседнего кургана. Вид у всех был удрученный. Шли молча – переживали очередную нашу неудачу. Мы же тем временем, не показывая нашего ликования, молча продолжали подчистку...

Когда они наконец подошли, был просто взрыв эмоций! Но больше всех ликовавший Г. Парцингер. Мы обнялись. Оба мы были по-настоящему счастливы!

К слову сказать, Михаил Иванович Эпов фиксировал здесь, хотя и незначительную, но все-таки мерзлотную аномалию.

После случившегося Герман сдвинул свой отъезд максимально, насколько это было возможно, то есть до 27 июля.

А я завтра отправляю в Ульгин Артема, Анатолия и Байру встретить Д. Цэвээндоржа и президента Академии наук Монголии Б. Чаадру. Ну и конечно, нужно решить массу хозяйственных дел, которые поднакопились за последнюю неделю.

Сегодня я по-настоящему счастлив!

19 июля 2006 г. Оба раскопа на Олон-Курин-Голе дают прекрасные результаты. На Олон-Курин-Голе-6 под досками лежанки, перевернутыми грабителями, обнаружены кости младенца, а также обломки деревянных предметов. Среди них неплохо сохранившийся гребешок. От младенца взяли пробу на палеогенетику. Взяли пробы и из льда – на микробиологию.

На «десятке» же вообще фантастика! Заполнение могильной ямы явно свидетельствует о том, что погребение, по всей видимости, не нарушено. Попадались куски разложившегося черного войлока. Наконец сегодня мы вышли на бревенчатое перекрытие сруба! Поскольку даже на его вершине температура приближалась к нулю, есть все основания полагать, что в срубе будет лед. При этом бревна сохранились прекрасно. Это ошкуренная лиственница. На перекрытии нет никаких изъятий. Такой замечательной сохранности дерева я не припомню даже на Укоке! Если в срубе будет лед, то должна быть и органика. Мумия тоже весьма вероятна. Эта проблема меня очень волнует. Ну да поживем – увидим, главное, что мы, похоже, получили то, к чему стремились!

20 июля 2006 г. Сегодня встал раньше обычного – в 7 часов утра. Испытываю какой-то необычный подъем и нетерпение.

На раскопах все великолепно (конечно, прежде всего, на «десятке»). Расчистили перекрытие сруба – это

мощный бревенчатый накат. Бревна сохранились великолепно и даже не имеют просада. На перекрытии лежат две лошади. Правда органика на них почти не сохранилась, но деревянные украшения упряжи в виде крупных головок грифонов сохранились прекрасно. Они местами покрыты тонкой серебристой пленкой – по-видимому, оловом. Смотрелись, конечно, эффектно, как крупные серебряные изделия. Это, вне всякого сомнения, то, что мы искали, то есть пазырык.

Почти закончили Олон-Курин-Гол-6. Там тоже дела идут в хорошем темпе. Ребята работают превосходно!

С сегодняшнего дня решил устроить ночное дежурство на «десятке». Все-таки многие уже видели, что у нас пошло нечто необычное, и нельзя исключать, что кто-то попытается вскрыть сруб... Поставили рядом с курганом палатку и оставили на ночь двоих парней.

23 июля 2006 г. Сегодня воскресенье, однако я решил взять с собой несколько добровольцев и поработать на «десятке». Довели расчистку сруба до материка, то есть до дна могилы. Нижний венец весь во льду, и это очень радует. Все тщательно и многократно сфотографировали. Наконец, со всеми предосторожностями приподняли одно из бревен перекрытия погребальной камеры...

Перед нами открылась совершенно необычная картина, которая никогда и нигде на пазырыкских памятниках с мерзлотой не встречалась, в том числе и у нас на Укоке. В срубе не было льда! Пространство совершенно свободно от какого-либо заполнения! Очевидно, что работа по его расчистке потребует минимальная. Умерший лежал на очень высокой кровати. Несмотря

Находки археологов в погребальном комплексе Олон-Курин-Гол-10 (Курган № 1):

- 1 – меховая шуба после реставрации;
- 2 – железный кинжал и деревянные ножны;
- 3 – съемный войлочный чехол горита;
- 4 – глиняный сосуд;
- 5 – войлочные сапоги (после реставрации);
- 6 – деревянное украшение упряжи;
- 7 – деревянное блюдо;
- 8 – фигурка деревянной лошади на плоской основе;
- 9 – деревянное украшение боковой части головного бора в виде фигурки оленя и его прорисовка (10);
- 11 – головной убор после реставрации.

Участники Российско-германо-монгольской экспедиции. 2006 г.

на отсутствие льда, видно, что все (или почти все) прекрасно сохранилось. Успех полный и потрясающий!

24 июля 2006 г. Сегодня был один из самых ответственных и в тоже время счастливых дней. Мы начали вскрывать погребальную камеру. Конечно, это не дверь в гробницу Тутанхамона и я не Говард Картер, но думаю, любой профессиональный археолог поймет меня и мое волнение. Уверен, что и мои друзья и коллеги испытывали те же самые чувства.

Мы аккуратно сняли плотно подогнанные бревна перекрытия. Они на удивление легко поддались. Когда бревна вынесли из могилы, нашими глазами открылась потрясающая картина! На погребальном деревянном ложе, на боку, как это принято у пазырыкцев, лежал взрослый человек. Он был одет в меховую шубу и войлочный головной убор, на ногах войлочные сапоги-чулки. Были видны деревянное блюдо и сосуды. Но поразило то, что все это как бы не тронут временем. Не было ни земли, ни льда. Будто опытная рука археолога уже все расчистила. Погребение лишь слегка присыпано древесной трухой. Саша Пилипенко взял пробы льда на биохимические анализы, а Марине Мороз потребовалось совсем немного времени, чтобы смести древесную труху. Нам фантастически повезло. Если бы сруб был полон льда, потребовалась бы колоссальная работа.

Сразу же приступили к фотофиксации и зарисовке комплекса.

25 июля 2006 г. Сегодня очень плодотворно поработали на раскопе. Буквально каждый час приносил

сюрпризы. Любопытно само захоронение. Погребенный – рыжеволосый, со стрижкой, что называется, «под горшок». Мягкие ткани на черепе не сохранились, как их не было и под шубой, однако на ногах они сохранились неплохо. Было похоже, что рядом с мужчиной лежит целый деревянный лук в меховом колчане – несомненная удача, так как лука такой сохранности до сих пор не удавалось обнаружить в комплексах пазырыкской культуры. Конечно, фрагменты луков в могилах со льдом находили, а вот целый – найден впервые. Более всего захоронение напоминает погребения, раскопанные мною на Укоке, на могильнике Верх-Кальджин-II. Вплоть до рыжего цвета волос у мужчин. Не удивлюсь, если они вообще окажутся родственниками! К тому же оба в роскошных шубах. Фотографируем детали, делаем рисунки и описание.

26 июля 2006 г.

А сегодня удалось целиком снять лук. Конечно, благодаря Марине Мороз. Очень талантливый реставратор! Все находки, которые легко можно снять (и даже не очень легко), мы увозили в нашу реставрационную лабораторию, где над ними трудятся реставраторы. Завтра, к приезду Президента Монголии, мы возвратим все на свои места.

28 июля 2006 г. Утром приехал молоденький лейтенант с погранзаставы, сказал, что ему приказано сообщить: вертолет будет у нас завтра, то есть раньше срока, около 10 часов утра. Вертолет пограничников, так что нам нужно быть готовыми. С одной стороны, это прекрасно, с другой, пришлось поупираться и работать,

пока было светло. Нужно переложить погребенного в шубе в специально подготовленный для этой цели ящик, отвезти и упаковать оставшиеся находки, предварительно зафотографировав и зарисовав их. Нужно было взять максимальное количество всевозможных проб, наконец, необходимо было вытащить сруб наружу, промаркировать бревна, собрать его наверху и снова разобрать. При этом нижний венец был приморожен, и пришлось изрядно потрудиться, прежде чем его удалось освободить ото льда. К тому же из бревен необходимо было взять образцы на дендрохронологический анализ. Дело это весьма трудоемкое, требующее времени.

Таким образом, все хорошо, однако на душе как-то грустно. Странное состояние какой-то опустошенности не покидает меня. Вот вроде бы все завершилось сверх-успешно, и домой уже пора, а как будто кусочек души оторвался и остается здесь, на суровом и прекрасном северо-западе Монголии.

Кульминация научного поиска, если хотите, его триумф – действие почти мгновенное, однако ведет к нему долгий, трудный, а порой и тернистый путь, который, кстати сказать, далеко не всегда этим триумфом и заканчивается... Однако мне хотелось, чтобы в этой книге прозвучала настоящая правда о наших, зачастую рутинных экспедиционных буднях, и если я что-то и убрал из своих полевых записей (каюсь, несколько раз вынужден был это сделать), то лишь по той причине, что заметки эти носили сугубо личный, а порой излишне эмоциональный, характер.

Однако следует все-таки вернуться в 2006 г. В сентябре, в столице Монголии Улан-Баторе прошла организованная Монгольской Академией наук пресс-конференция с участием руководства Академии и ее Президента академика Б. Чаадры, директора Института археологии Монголии Д. Цэвээндоржа. На пресс-конференцию были приглашены и мы с Германом Парцингером. В ней участвовали не только монгольские журналисты, но и представители зарубежной печати. Вопросов было очень много, и нам было приятно на них отвечать. В конечном итоге получалась приятная беседа, которая bukva на следующий день была освещена на страницах монгольских СМИ. Особенно подчеркивался интернациональный характер экспедиции и мультидисциплинарный подход к решению научных задач, ну и разумеется, рассказывалось о конкретных результатах, полученных на памятнике Олон-Курин-Гол-10.

В конечном итоге все полученные материалы были благополучно доставлены в Академгородок, где в реставрационном центре нашего Института они прошли прекрасную обработку. Все предметы приобрели абсолютно музейный вид. Особенно, конечно, впечатляла роскошная меховая шуба. Верхняя ее часть была выполнена из собольего меха, нижняя – из беличьего.

Шуба была с «хвостом», то есть такого же кроя, как и когда-то найденная мною на Укоке. Конечно, реставрация и консервация полученных в Монголии предметов потребовала и существенных средств и времени. Конечно, это был нелегкий труд всех наших реставраторов. Тем не менее, уже через год практически все было закончено.

Благодаря исследованию проб, взятых на раскопе, А. Г. Ромашенко и А. С. Пилипенко были получены результаты, позволившие связать носителей пазырыкской культуры с обитателями Передней Азии. Именно отсюда происходят древнейшие в мире ковры и ткани, найденные в царских пазырыкских курганах. Впервые был обнаружен и генетический след мигрантов, смешавшихся на Алтае с местным населением.

Интереснейшая работа была проделана по изучению костюма носителей пазырыкской культуры. Хорошая сохранность одежды, обуви, головных уборов позволила Н. В. Полосьмак, с учетом уже проделанной ею работы с предметами, обнаруженными в комплексах Укока, предложить убедительную реконструкцию костюма носителя пазырыкской культуры Северо-Западной Монголии, а Д. В. Позднякову сделать великолепную графическую реконструкцию.

Литература:

Молодин В. И. Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия. Новосибирск: «ИНФОЛИО-пресс», 2000. 192 с.

Молодин В. И., Парцингер Г. Ледяной воин Алтая // *National Geographic Россия*, 2007. № 6. С. 58–71.

Molodin V., Parzinger H., Cevendorz D. Das Krigergrab von Olon-Kurin Gol // *Im Zeichen des Goldenen Greifen. Konigsgraber der Skythen. Munchen-Berlin-London-New York*, 2007. S. 148–155.

Молодин В. И. Исследования Российско-Германско-Монгольской экспедиции на северо-западе Монголии летом 2006 г. // *Российская археология*, 2007. № 4. С. 42–50.

Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск: «ИНФОЛИО-пресс», 2001. 336 с.

Parzinger H., Molodin V., Cevendorz D. Der skythenseitliche krieger aus dem eis: Neue entdeckungen im Mongolischen Altai. Amsterdam, 2008. S. 66.

Автор и редакция благодарят д. и. н. В. П. Мильникова и к. и. н. И. Ю. Слюсаренко за помощь в подготовке публикации

В статье использованы фото В. П. Мильникова, прорисовки В. Ковторова и Н. Ермаковой

В публикации использованы иллюстрации и прорисовки из подготовленной к публикации книги «Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема.» (Молодин В. И., Парцингер Г., Цэвээндорж Д.),